Два народолюбца
А.И. Шингаревъ и Ф.Ф.
Кокошкинъ.

Москва 1918

ДВА НАРОДОЛЮБЦА

А. И. ШИНГАРЕВЪ
И
Ѳ. Ѳ. КОКОШКИНЪ.

МОСКВА.
1918.

Два народолюбца А. И. Шингаревъ и Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ.

Въ ночь съ 6 на 7 января настоящаго 1918 года въ Петроградѣ совершилось ужасное и гнусное злодѣйство: кучкой вооруженныхъ матросовъ и красногвардейцевъ были убиты Андрей Ивановичъ Шингаревъ и Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кокошкинъ. Они прибыли въ Петротрадъ для участія въ Учредительномъ Собраніи, такъ какъ они были избраны членами этого Собранія. Но лишь только они появились въ Петроградѣ, какъ, по приказу совѣта комиссаровъ-большевиковъ, были схвачены и заключены, какъ политическіе арестанты, въ Петропавловскую крѣпость. Тамъ ихъ продержали болѣе мѣсяца въ сыромъ казематѣ. Заключеніе въ крѣпости тяжело отозвалось на ихъ здоровьѣ. Въ концѣ-концовъ они такъ сильно расхворались, что, по требованію врачей, ихъ перевели изъ крѣпости въ Маріинскую больницу. 6 января они были доставлены въ больницу. И въ ту же ночь, когда больные уснули, въ ихъ комнаты ворвалась кучка матросовъ и красногвардейцевъ. Кокошкина они убили спящимъ, а Шингарева разбудили; одинъ матросъ сталъ душить Шингарева за горло, другіе четырьмя выстрѣлами нанесли ему нѣсколько смертельныхъ ранъ, отъ которыхъ Шингаревъ скончался послѣ двухчасовыхъ мученій.

Кто же были эти два человѣка и за что ихъ лишили сначала свободы, а потомъ и жизни?

Когда большевистскіе комиссары заперли ихъ въ крѣпость, имъ не было предъявлено никакого обвиненія. Кокошкина и Шингарева лишили свободы только за то, что они не примыкали къ большевикамъ, а принадлежали къ партіи народной свободы и стояли въ этой партіи на виду, какъ люди, сильные умомъ и извѣстные кипучей дѣятельностью. Вотъ за это-то нежеланіе примкнуть къ большевикамъ большевистскіе комиссары и объявили ихъ „буржуями“ и „врагами народа“, а кучка матросовъ и красногвардейцевъ сочла себя вправѣ учинить надъ беззащитными и больными узниками дикій злодѣйскій самосудъ.

Была ли хоть крупица правды въ томъ, что Шингаревъ и Кокошкинъ были врагами народа? Или это была безсовѣстная клеветническая хула, незаслуженно обрекшая ихъ на мученическую смерть? Вмѣсто отвѣта мы разскажемъ жизнь Шингарева и Кокошкина, и тогда читатель самъ разсудитъ, что это были за люди и *на кого* поднялась злодѣйская рука самоуправцевъ.

I.

Андрей Ивановичъ Шингаревъ родился въ Воронежѣ въ 1869 г. Отецъ его былъ бѣдный воронежскій мѣщанинъ, торговавшій старымъ тряпьемъ. На скудную помощь отъ отца, а главнымъ образомъ на собственныя трудовыя деньги, которыя онъ кое-какъ сколачивалъ уроками, Шингаревъ прошелъ курсъ реальнаго училища, а затѣмъ поступилъ въ московскій университетъ, гдѣ онъ изучалъ медицину. Профессора замѣтили его дарованія и предлагали ему остаться въ Москвѣ и самому стать профессоромъ. Но иные помыслы наполняли душу этого человѣка. Еще студентомъ онъ мечталъ лишь о томъ, чтобы посвятить свою жизнь работѣ въ деревнѣ на пользу русскаго крестьянина. Онъ писалъ своему другу: „учись, думай, работай, какъ помочь бѣдной спинѣ, какъ просвѣтить нагнутую голову крестьянина—вотъ тогда ты великій человѣкъ, тогда ты любишь крестьянина, тогда ты братъ его, тогда ты ѣшь свой хлѣбъ и кормишь имъ и братьевъ своихъ". И вотъ, окончивъ университетъ, и въ 1894 году получивъ званіе врача, Шингаревъ забирается въ глухой деревенскій уголъ Землянскаго уѣзда Воронежской губерніи, поселяется тамъ въ избѣ вмѣстѣ съ женою и начинаетъ лѣчить крестьянъ, взимая по *пяти копѣекъ* съ больного, имѣющаго какой-нибудь достатокъ, а неимущихъ принимая и совсѣмъ безплатно. Народъ валомъ повалилъ къ врачу—безсребреннику изъ многихъ окрестныхъ деревень. Ни днемъ, ни ночью не стало Шингареву покоя. Онъ и принималъ у себя и разъѣзжалъ на телѣгѣ по тяжело больнымъ. Только лѣкарства давало ему мѣстное земство. А для собственныхъ скромныхъ нуждъ онъ довольствовался лишь тѣми немногими пятаками, которые давали ему больные. Такъ проработалъ онъ болѣе двухъ лѣтъ, послѣ чего сталъ участковымъ земскимъ врачемъ, а затѣмъ перешелъ въ санитарные врачи. До сихъ поръ еще живетъ въ крестьянствѣ Землянскаго уѣзда благодарная память о докторѣ, который всего себя отдавалъ безкорыстному служенію благу крестьянскаго люда.

Заботы о народѣ и сердечное стремленіе служить ему не сводились у Шингарева только на леченіе больныхъ. Еще только собираясь ѣхать въ деревню изъ Москвы, онъ писалъ своему другу: „я не лечить только собираюсь, это, лишь средство ближе сойтись съ народомъ". И среди своей кипучей—докторской работы въ деревнѣ Шингаревъ дѣйствительно находилъ время всматриваться въ весь складъ деревенской жизни, подробно изучать нужды крестьянскаго хозяйства, глубоко раздумывать надъ средствами къ поднятію крестьянскаго благосостоянія. Ставъ съ 1903 г. санитарнымъ врачемъ, онъ написалъ много работъ о санитарномъ положеніи деревни; его начина-

ютъ избирать гласнымъ и въ уѣздное, и въ губернское земство. и, работая въ земствѣ, онъ попрежнему всѣ помыслы направляетъ на нужды крестьянства. Когда бывшимъ министромъ финансовъ Витте были образованы по губерніямъ комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, Шингаревъ замѣтно выдвинулся тамъ, какъ прекрасный знатокъ крестьянскаго хозяйства, мѣстныхъ финансовъ и экономическихъ потребностей деревенской Россіи.

Въ 1907 году правительство запретило Шингареву работать въ земствѣ. Въ это время онъ уже давно состоялъ членомъ партіи народной свободы. Теперь большевики объявляютъ, что это есть партія враговъ народа. Пусть же судитъ читатель, могъ ли бы соединиться съ врагами народа такой человѣкъ, какъ Шингаревъ, сроднившійся съ русской деревней всей своей душой, всей работой своей жизни, не на словахъ, а на дѣлѣ забывавшій о себѣ самомъ ради того, чтобы служить интересамъ крестьянства! Онъ вступилъ въ партію народной свободы, потому что убѣдился въ томъ, что эта партія искренно и добросовѣстно стремится къ благу народа и изыскиваетъ для этого пути, болѣе обдуманные и разумные, нежели многія другія партіи.

Воронежскій край хорошо уже зналъ Шингарева, беззавѣтная преданность этого человѣка благу народа была ясна всѣмъ, и въ 1907 г. онъ былъ избранъ отъ Воронежа членомъ второй Государственной Думы. Въ томъ же году онъ былъ переизбранъ въ Воронежѣ и въ третью Думу. Когда въ 1912 г. происходили выборы въ четвертую Думу, правительство приняло мѣры къ тому, чтобы устранить его отъ выборовъ по Воронежу, но онъ прошелъ въ четвертую Думу отъ Петербурга. Какъ членъ трехъ Думъ, Шингаревъ сталъ широко извѣстенъ уже не только Воронежскому краю, но и всей Россіи. Тамъ, въ Государственной Думѣ, предъ лицомъ всей Россіи Шингаревъ явился такимъ же горячимъ и стойкимъ защитникомъ интересовъ народа, какимъ онъ былъ ранѣе и въ своемъ мѣстномъ земствѣ. И сколько знаній, сколько умѣнья и искусства проявилъ онъ при этомъ!

Онъ, скромный деревенскій докторъ, такъ глубоко вникъ своимъ быстрымъ умомъ въ государственные вопросы, такъ основательно изучилъ государственные финансы, что при обсужденіи въ Думѣ государственныхъ доходовъ и расходовъ къ рѣчамъ и указаніямъ Шингарева внимательно прислушивалась вся Дума, и тогдашній министръ финансовъ Коковцевъ, всю жизнь работавшій надъ финансами, долженъ былъ признать въ Шингаревѣ опаснаго и глубоко-свѣдущаго своего противника.

Какъ только Дума приступала къ разсмотрѣнію государственныхъ доходовъ и расходовъ и Коковцевъ произносилъ

большую рѣчь о составленной имъ росписи этихъ доходовъ и расходовъ, такъ каждый разъ Шингаревъ выступалъ съ обширными возраженiями министру, шагъ за шагомъ указывалъ на слабыя стороны государственнаго хозяйства и на то, какъ надлежало бы исправить его. И всѣмъ приходилось признавать при этомъ, что Шингаревъ говоритъ не на вѣтеръ, что онъ глубоко изучилъ то, о чемъ говоритъ и что во всѣхъ его указанiяхъ свѣтится горячая забота о благѣ родины; о томъ, чтобы были облегчены тягости малоимущихъ людей; о томъ, чтобы дана была возможность бѣдному крестьянству получить доступъ къ имущественному благополучiю, къ образованiю, къ болѣе свѣтлой жизненной долѣ. И не одними только глубокими знанiями поражали всѣхъ рѣчи Шингарева. Его рѣчи волновали всѣхъ задушевностью его словъ, въ которыхъ сiяла прекрасная, чистая душа этого золотого человѣка, всегда думавшаго о другихъ, а не о себѣ, всегда болѣвшаго сердцемъ за тѣхъ, кто былъ обездоленъ и обиженъ.

Когда совершилась революцiя, Шингаревъ вошелъ во временное правительство, какъ министръ земледѣлiя; потомъ онъ взялъ въ свое управленiе финансы. Въ iюлѣ онъ пересталъ быть министромъ, такъ какъ видѣлъ ошибочность тогдашнихъ дѣйствiй временнаго правительства, которое не принимало рѣшительныхъ мѣръ противъ общей разрухи. Въ ноябрѣ этого года, какъ уже сказано, онъ прiѣхалъ въ Петроградъ для участiя въ Учредительномъ Собранiи. Нечего и говорить о томъ, что онъ принесъ бы въ Учред. Собранiе ту же горячую и беззавѣтную заботливость о нуждахъ народа. Но его, отдавшаго всю жизнь служенiю народу, большевики беззастѣнчиво ославили врагомъ народа; его, самоотверженнаго безсребренника, оставившаго послѣ себя только пятерыхъ дѣтей безъ всякихъ средствъ, ославили „буржуемъ“ и засадили въ крѣпость.

Еще юнымъ студентомъ, мечтая о работѣ на благо народа, Шингаревъ писалъ въ письмѣ къ другу: „сколько добра будетъ, если ты своимъ развитiемъ и знанiемъ бросишь хотя лучъ свѣта въ темную голову, озаришь кулачество, мiроѣдство, *дикiй, недостойный человѣка самосудъ* и массу темныхъ сторонъ, недостойныхъ любви къ человѣчеству.“ Отъ *дикаго самосуда* и пришлось погибнуть этому истинному *другу народа*. Придетъ пора, когда народъ пойметъ весь ужасъ этого злого дѣла, содрогнется передъ нимъ и въ глубинѣ своей совѣсти воздастъ должное памяти безкорыстнаго и самоотверженнаго печальника о благѣ народномъ—Андрея Ивановича Шингарева.

II.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кокошкинъ родился въ 1871 г. въ г. Холмѣ Люблинской губернiи, гдѣ отецъ его служилъ комис-

саромъ по крестьянскимъ дѣламъ. Очень рано онъ потерялъ отца, и дѣтство его прошло въ городѣ Владимірѣ, гдѣ мать его заняла должность начальницы земской женской гимназіи. Въ 1889 г. Кокошкинъ поступилъ въ Московскій университетъ, гдѣ сталъ изучать юридическія науки. Когда въ 1893 г. онъ кончалъ курсъ университета, для всѣхъ его профессоровъ было ясно, что изъ него долженъ выйти крупный, превосходный ученый. Его самого наука сильно влекла къ себѣ, ибо умъ его былъ отъ природы предрасположенъ къ научнымъ занятіямъ. Въ 1897 г. онъ блестяще сдалъ экзаменъ на профессора и на два года уѣхалъ за границу. Въ Германіи и во Франціи онъ усиленно продолжалъ ученую подготовку, занимаясь у лучшихъ профессоровъ тѣхъ странъ. Вернувшись въ Москву, онъ сталъ читать лекціи въ Московскомъ Университетѣ и оказался превосходнымъ преподавателемъ по обширности своихъ знаній, по удивительному умѣнію ясно передать всякую хотя бы самую сложную мысль, по глубокому пониманію своей науки. А занимался онъ наукой объ устройствѣ государственнаго управленія. Его мысль была прикована къ вопросамъ о томъ, какъ устанавливаются въ различныхъ странахъ государственные порядки и каковы должны быть эти порядки для того, чтобы все населеніе чувствовало себя свободнымъ, чтобы сильный не тѣснилъ слабаго, чтобы возможно справедливѣе распредѣлялись между всѣми права и имущественныя блага, чтобы народъ могъ свободно и самостоятельно принимать участіе въ дѣлахъ государства и въ составленіи новыхъ законовъ. Кокошкинъ могъ бы наполнить всю свою жизнь учеными занятіями, могъ бы писать книги по своей наукѣ, читать студентамъ лекціи и онъ былъ бы счастливъ и доволенъ, потому что къ занятіямъ наукой влеклась его душа, дѣло это у него спорилось и кипѣло, и прожилъ бы онъ жизнь въ мирѣ и покоѣ, покрытый славой замѣчательнаго ученаго. Но Кокошкинъ не былъ способенъ удовольствоваться всѣмъ этимъ. Любовь къ наукѣ крѣпко соединялась въ его душѣ съ любовью къ родинѣ и къ родному народу. Если наука указывала ему наиболѣе правильные пути къ полезному для народа устройству государственныхъ порядковъ, то онъ не только стремился объяснять этотъ путь другимъ, но хотѣлъ и самъ приложить свои силы къ улучшенію жизни своего народа. И вотъ онъ посвящаетъ жизнь не только наукѣ, но и политикѣ; вступаетъ въ ряды борцовъ за лучшее будущее родины; обрекаетъ себя на тотъ путь, который, вмѣсто покоя и довольства, сулилъ ему волненія, гоненія всякаго рода, и въ концѣ-концовъ привелъ его къ мученичеству и безвременной смерти отъ руки преступныхъ самоуправцевъ.

Кокошкинъ рано началъ работать въ московскомъ земствѣ, гдѣ завѣдовалъ отдѣлами по народному образованію и по со-

дѣйствію сельско-хозяйственной и кустарной промышленности. А когда со времени Японской войны въ Россіи выдвинулась на первый планъ политическая борьба за преобразованіе государственнаго устройства Россіи на началахъ свободы, Кокошкинъ весь отдался этой борьбѣ и вложилъ въ нее весь запасъ своихъ обширныхъ знаній, всѣ силы своей благородной души. Въ 1904—1905 г. онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ земскихъ съѣздахъ, на которыхъ подготовлялось введеніе въ Россіи новыхъ государственныхъ порядковъ, при которыхъ самъ народъ могъ бы выбирать своихъ представителей въ Государственную Думу. Вмѣстѣ съ Муромцевымъ и нѣкоторыми другими лицами Кокошкинъ составилъ самый подробный планъ такого устройства Россіи, при которомъ Россія стала бы государствомъ истинно-демократическимъ и свободнымъ и при этомъ пользовалась бы твердымъ порядкомъ, охраняющимъ свободу всѣхъ и каждаго отъ произвола и насилій всякаго рода.

Въ 1905 г. Кокошкинъ явился однимъ изъ основателей партіи народной свободы и съ тѣхъ поръ до самой кончины принадлежалъ къ лицамъ, стоящимъ во главѣ этой партіи. Въ 1906 г. Москва избрала его вмѣстѣ съ Муромцевымъ, Герценштейномъ и Савельевымъ депутатомъ въ первую Государственную Думу. Въ первой Думѣ Кокошкинъ игралъ крупную роль, и не мудрено: вѣдь онъ былъ замѣчательнымъ знатокомъ государственнаго устройства, силою своего слова онъ умѣлъ приковывать къ своимъ рѣчамъ глубокое вниманіе слушателей, и умѣлъ приводить въ пользу своихъ мыслей такіе вѣскіе и убѣдительные доводы, что мысль его становилась ясна для всѣхъ. Когда говорилъ Кокошкинъ, всѣ превращались въ слухъ, и каждый чувствовалъ, что все, излагаемое Кокошкинымъ, изучено имъ пристально со всѣхъ сторонъ и обдумано тщательно и глубоко въ теченіе долгаго времени. Главное же дѣло было въ томъ, что за каждымъ словомъ Кокошкина живо чувствовалась горячая вѣра въ правоту своихъ стремленій, искренняя преданность дѣлу свободы, искреннее желаніе создать для всего народа свободную возможность самому строить свою жизнь, это значитъ, что Кокошкинъ такъ же, какъ и Шингаревъ, былъ истиннымъ народолюбцемъ, истиннымъ *демократомъ*.

Первая Дума была распущена за то, что она очень рѣшительно и смѣло отстаивала права народа и въ томъ числѣ необходимость широкаго надѣленія крестьянъ землей. Перводумцы въ отвѣтъ на роспускъ Думы издали „выборгское воззваніе". Въ томъ воззваніи проводилась та мысль, что роспускъ Думы есть незаконное посягательство на права народа. Изданіе такого воззванія грозило перводумцамъ большими опасностями, суровыми карами. Кокошкинъ со всѣмъ жаромъ примкнулъ къ составленію этого воззванія и вмѣстѣ со своими товари-

щами подписалъ его. Больной, нуждавшійся въ заботливомъ уходѣ за своимъ хилымъ здоровьемъ Кокошкинъ ни на минуту не колебался поставить себя подъ какія угодно опасности, лишь только дѣло шло объ отстаиваніи своихъ убѣжденій и интересовъ народа. Просто и спокойно рѣшалъ онъ для себя такіе вопросы потому, что поступать иначе онъ не считалъ возможнымъ. За подписаніе выборгскаго воззванія Кокошкинъ, такъ же какъ и всѣ другіе, подписавшіе это воззваніе, просидѣлъ въ 1908 г. три мѣсяца въ московской губернской тюрьмѣ. Московское дворянство поспѣшило исключить Кокошкина изъ своей среды; объ этомъ Кокошкинъ не думалъ жалѣть, но ему было тяжело другое: Кокошкинъ былъ лишенъ права участвовать въ думскихъ и земскихъ выборахъ; у него отнималась возможность столь дорогой для него общественной работы. Кокошкинъ опять предался научнымъ занятіямъ и чтенію лекцій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. И въ то же время онъ продолжалъ самымъ дѣятельнымъ образомъ участвовать въ работѣ партіи народной свободы. Кромѣ того, онъ предался газетной работѣ, и сталъ участникомъ „Русскихъ Вѣдомостей". Въ газетныхъ статьяхъ онъ такъ же блестяще, какъ и въ своихъ политическихъ рѣчахъ боролся за свободу и за народные интересы. Когда совершилась революція, Кокошкинъ сталъ во главѣ комиссіи, которая вырабатывала законъ о порядкѣ выборовъ въ Учредительное Собраніе. Эта работа почти цѣликомъ легла на плечи Кокошкина, и Кокошкинъ выработалъ законъ, который устанавливалъ самые демократическіе выборы. Забота о предоставленіи народу самаго широкаго и свободнаго участія въ государственной жизни и тутъ стояла у него на первомъ планѣ. Теперь, благодаря совершившейся революціи, Кокошкинъ избавился отъ запрещенія участвовать въ выборахъ, и Москва снова выдвинула въ Учредительное Собраніе своего первоизбранника. Въ лицѣ Кокошкина Учредительное Собраніе получило бы испытаннаго борца за права и благо народа. Но въ Петроградѣ его ждала мученическая кончина, которая уже описана нами выше.

„Все для народа, ничего для себя"—вотъ чѣмъ была наполнена жизнь Кокошкина и Шингарева. Они погибли отъ руки убійцъ, направленной на нихъ силою безсовѣстной черной клеветы. Это злодѣяніе прервало ихъ самоотверженную работу на благо народа. Но затемнить ихъ обликъ въ памяти народной черной клеветѣ не удастся. Она только еще ярче оттѣнитъ для послѣдующихъ поколѣній бѣлоснѣжную чистоту образовъ этихъ двухъ праведниковъ-народолюбцевъ.

Типографія Т-ва „Задруга", Москва.

15 коп.